

ЭЛИТА КАК СОЦИАЛЬНЫЙ СУБЪЕКТ: К ВЫБОРУ ОСНОВАНИЙ ФОРМИРОВАНИЯ

В статье феномен элиты интерпретируется как социальный субъект. Рассмотрены основания формирования элиты, проанализирована концепция «околоэлитного» окружения.

Ключевые слова: элита, околоэлитное окружение, властвующая элита, социокультурная иерархия.

Zh. S. Allayarova

ELITE AS THE SOCIAL SUBJECT: TO A CHOICE OF THE BASES OF FORMATION

In the article phenomenon of elite as the social subject is interpreted, the author deals with the bases of formation of elite. The concept of near elite surrounding is analyzed.

Key words: elite, near elite surrounding, ruling elite, sociocultural hierarchy.

Что выступает основанием для формирования элиты? По данному ключевому вопросу в обширном блоке теорий элиты представлены разные позиции, но в признании базисной дихотомии «элиты–массы» едины все исследователи: данная дихотомия является ведущим методологическим принципом в анализе социокультурной иерархии. При этом большая группа исследователей предстает в позиции апологетов элиты, полагая, что она необходима для развития общества, и даже конец XX в. с его ситуацией постмодерна и попыткой разрушить всяческие иерархии не смог ослабить стремление к движению по вертикали. Изменились исторические формы элиты (например, появилась такая специфическая форма, как номенклатура), обозначились новые критерии в определении качества элиты (как и качества массы), но сами элиты не исчезли. Смены режимов приводят к созданию новых социальных вертикалей, формированию новых элит, прежде всего политических, а затем и встраивающихся в них культурных. Репрезентация элит осуществляется в сите аристократизма. Элита поддерживает "традиционные ценности" – престиж религии, образования, семьи. Элита, находящаяся у власти, заинтересована в ее преемственности, наследовании, поэтому всегда постепенно склоняется к традиционализму и консерватизму.

Политизация жизни в XX в. вывела на первый план политические элиты, именно они стали объектом научного интереса и в этом качестве утвердились в системе категорий науки. Когда-то Т. Карлейль писал об избранности элиты: элита – это те, кто откликнулся на «высший призыв», кто обнаружил в себе способность к лидерству, «... наиболее ценный дар, который Небо может дать Земле, это «гениальный» человек. Душа Человека спускается к нам с небес с посланием Бога» [1].

В границах социологического подхода под элитой понимается некая социальная общность (класс, каста). М. Вебер отмечал, что анализирующие элиту теории в своей основе ориентированы на стра-

тификационный подход, в котором доминирующим критерием расслоения выступает власть, а также на подход меритократический, – он относит к элите не только наделенных сверхкачествами, но и именно в силу этой наделенности способных преодолевать сверхпроблемы. Как отмечает, к примеру, С.В. Негруль [2], классические теории элитарности и элитообразования в последние десятилетия XX в. обнаружили свою ограниченность. Отметим, что эти теории были в полной мере приемлемы в рамках эпох стабильного функционирования общества, стабильной социальной структуры, регламентированных взаимоотношений между социальными группами. Однако сегодня классические теории ограничены в своих объяснительных возможностях, поскольку изменилась социальная реальность, иначе представлен субъективный фактор социальной практики. Именно это и вызвало необходимость изменения представлений об элитах, отхода от классических традиций.

Сегодня аналитики отмечают, что идет процесс социологизации, рационализации и субъективизации критериев элитности. Концепт «элиты» рассматривается на материале социальной группы или совокупности социальных групп, организованных и принимающих различные формы (олигархии, клки, «группы вето») – в этом выражена социологизация понятия «элита». Именно процессы социологизации, рационализации (десакрализации), субъективизации критериев элитности характерны для постклассических интерпретаций элит.

В аналитической литературе обнаружила себя новая интерпретация феномена элитности: причисление к элите связывают с признанием функциональной полезности, с обладанием ресурсами влияния (такова, к примеру, позиция В. Милановски, Д. Марвика, П. Штомпки, Г. Эндрувайте [3, 4, 5, 6]. В связи с этим нам кажется интересной позиция С. Негруль, справедливо, на наш взгляд, полагающей, что элита в таком понимании превращается в выразителя типических качеств человека, массы [2].

Подобная трактовка элиты, как слоя функционально необходимого, полезного, встречается уже у В. Парето; классик элитологии отмечает, что элита является собой «совокупность индивидов, которые отличаются результативностью, наибольшей продуктивностью, действуют с высокими показателями в любой сфере деятельности», «элита включает в себя наиболее сильных, энергичных и способных, тех, кто получает максимум баллов по условному индексу, измеряющему уровень способностей в профессиональной, экономической или политической сфере» [7]. Приводя слова В. Парето, мы хотим подчеркнуть, что уже в его работах встречается попытка придать элите десакрализованный, рационализированный смысл.

Что касается рационализации критериев элитности, то под ней понимается десакрализация, процесс уменьшения сферы мистического: элита, которая, по выражению М. Бартона, «соотносится и связана и актуально, и латентно прежде всего с феноменами Традиции, Времени и Пространства» [8], которая воплощает в своих действиях сакральную ответственность за Целое, интерпретируется в ином ключе – метафизическую интерпретацию сменяет интерпретация секуляризованная.

Что же касается субъективизации критериев элитности, сошлемся на близкую нам позицию, в границах которой использовано понятие «ресурс объекта» (возможность действовать самостоятельно); именно «ресурс объекта» есть «совокупность качеств, обеспечивающих не только способность субъекта к выживанию, но и к расширению диапазона саморегуляции своего поведения, включая влияние на других субъектов». Благодаря ресурсам субъект способен воздействовать на формирование социальных институтов и тех реальных типов отношений, которые ему представляются более выгодными. В этом смысле субъектами могут выступать как индивидуальные деятели, так и коллективные, групповые агенты, отстаивающие свои интересы. И там, где речь идет о зрелой субъектности, говорится о способности субъекта изменять сложившиеся социальные структуры, а не просто воспроизводить существующие социокультурные отношения; социальный субъект деятельностью инициирует инновативные процессы в обществе, частным случаем которых может выступать ситуация стагнации, когда в социальной системе в течение какого-то времени не происходит никаких изменений. Социальные субъекты, получившие в современном дифференцированном обществе больше степеней свободы и возможностей действовать независимо относительно сложившихся социальных структур, постоянно включены в контекст социальных процессов, которые они способны направлять или сдерживать, считает В.А. Ядов [9].

По субъективизации критериев элитности в постклассических теориях элитообразования интересна трактовка С.В. Негруль. Автор пишет о си-

туации, когда тенденцией, говорящей о формировании новой интерпретации понятия элиты, является «субъективизация» элит в так называемые теории функциональных элит. Процессы субъективизации элит интерпретируются как имеющие следующие векторы: элита исследуется в контексте проблемы социального развития, изучается вероятностный характер субъективного выбора альтернативных решений, а сами критерии элитарности связаны с понятиями процесса, альтернативы и возможности; в изучении элиты акцент делается на ресурсном потенциале субъекта [2].

В границах теории социальной стратификации элита интерпретируется как слой, осуществляющий управление. Уже в классических теориях Г. Моски, Р. Михельса, Р. Миллса процесс социологизации критериев элиты проявился в описании ее как «властвующей» группы или «правлящего класса». А после появления работ С. Келлера, Г. Моски и Р. Миллса возникает интерпретация элиты как субъекта, влияющего на социальные институты и процессы, осуществляющие наиболее важные функции в обществе, имеющие наибольшее влияние [10,11].

Сегодня в литературе активно обсуждается концепция «околоэлитного окружения». Смысл этой концепции заключен в идее постоянной смены элитных групп влияния в структурах власти, идее динамичного вертикального перемещения субъектов и групп, идее отсутствия единого доминирующего субъекта. Как пишет, к примеру, С.В. Негруль, исследуя процессы формирования региональных элит, в результате осмысления новой реальности, в которой появляются новые сферы деятельности, процессы характеризуются динамизмом и изменчивостью, структуры – открытостью, а субъекты становятся более свободны и политически активны; в современных теориях исчезает идея единства элиты, ее заменяет представление об элитном плюрализме [2].

Идея «плюральной элиты» (М. Алле, С. Келлер, О. Штаммер, Д. Рисмен, Т. Дай) содержит проблему ее расслоения: плюральная элита включает в себя (по степени значимости) элиту правящую, потенциальную (социальные слои, из которых происходят лица, формирующие элиту), мнимую; наряду с термином «стратегические элиты» вводится термин «сегментарные элиты» для обозначения степени влияния; элиты делятся по функциональному и иерархическому критериям.

Идея плюрализма элит развивается О. Штаммером, Д. Рисменом, С. Келлером, Т. Даем, авторы полагают, что дифференциация современного общества породила возможности для существования множества элит, выражающих интересы различных социальных групп; между элитой и внеэлитными группами находятся такие социальные субъекты, как группы давления, партии и т.д. В плюралистических концепциях исчезает сама идея противопоставления элиты недифференцированной инертной

«массе», другими словами, «большинство» современного общества составляют так называемые «внеэлитные группы», или «неэлиты», не столь жестко отличные по интересам, и ценностям от элит [12].

Примечательно, что в основе концепции «околоэлитного окружения» лежит идея о существовании факторов, меняющих состав элиты в обществе: «С развитием общества общие ценности, образовывавшие основы социального порядка уступили место множественности относительных ценностей. Релятивизация ценностных показателей вызывает повышенную социальную мобильность. Жесткая иерархическая структура общества начинает подменяться рациональным принципом вертикальных перемещений, основу которых составляют общественные достижения. Усиливается неустойчивость социального статуса и тем самым неопределенность критерия, в соответствии с которым происходит причисление к элите. Социальные изменения, прежде всего тенденция к демократизации, ведут к увеличению числа элитных групп, внутренний состав которых меняется в результате повышенной мобильности».

Существенной деталью, наглядно характеризующей постклассические теории элит, является система критериев элитности, в которую включены такие критерии, как, к примеру, критерий самоидентификации, самооценки. Эта позиция отражена в работах Ф. Тонеса и В. Мюльмона, вводящих в ткань анализа термины «самоидентификация», «социополитическая миссия», «самопричисление». Подводя итог этой части, отметим, что обобщенная позиция в постклассической интерпретации элит отражена в определении, которое предлагают А. Сванн, Дж. Мэнор, Э. Куинн, Э. Райс: элита – это те, кто контролирует большую долю материальных, символических и политических ресурсов общества, чем другая страта; те, кто занимает высшие властные позиции, контролирует большую часть собственности и имеет наивысший престиж.

Синтезом исканий аналитиков элитообразования в постклассический период стала работа Г. Эндрувайта «Элита и развитие: теория и практика влияния элиты на процесс развития» [6], в которой проблемы элитообразования органично соединены с проблемами развития. Позиция Г. Эндрувайта заключена в следующем: «развитие» – «социальный процесс, проходящий через некоторые изменения элементов социальной структуры, при котором реальные изменения рассматриваются в отношении к объективным возможностям» [5]; направление общественных изменений, определяемое элитами, конструируется путем взаимодействия субъектов внутри элиты; общей тенденцией развития является выбор элитой оптимального для общества пути развития, предполагающего преодоление «застойных» процессов. Элита – это социальный субъект, критерии принадлежности к элите

определены социокультурным дискурсом; признаком «элитности» в доиндустриальных обществах являлись стратификационно-генетические показатели (социальные происхождение), в странах, переживающих процессы «запаздывающей» модернизации, это соответствие западным стандартам (западное образование, стандарт и стиль жизни, ценности антитрадиционной направленности), в США признаком элитарности является профессионализм и компетентность. В пределах функциональной теории элиты Г. Эндрувайт говорит об элите как социальном субъекте, влияющем на характеристики социальных процессов и в результате этого превосходящем других членов социальной системы; у Г. Эндрувайта понятие функциональной элиты отлично от функционалистского понятия элиты (здесь элита рассматривается с точки зрения ее вклада в сохранение социальной системы). Решающий признак функциональной элиты – распределение влияния на стратегические решения в обществе.

Г. Эндрувайт считает, что именно такой подход ориентирован на определение власти М. Вебера: «власть означает любую закрепленную социальными отношениями возможность настаивать на своем даже при наличии сопротивления, независимо от того, в чем эта возможность выражается». Осуществление власти происходит при помощи социальных действий в отношении объектов, на которые она направлена, что влечет за собой их изменение и модификацию; социальная же деятельность элиты рассматривается по отношению к внеэлитным группам; элиту определяет ее функция в социальном процессе; ценность и значение элиты лежит не в ней самой, а в ее функции для общества: она направляет процесс, который уже идет в определенном направлении.

Функциональная элита может включать тех, кто оказывает влияние, но официально не занимает высоких должностей, она не является слоем, находящимся «между неэлитой внизу и другой неэлитой наверху», и это мешает ее эмпирической идентификации. Отметим, что функциональный подход позволяет осуществить анализ истории и современности, используя «идиому сравнения», но он крайне детерминистичен, он переоценивает причинную связь социальных потребностей и элиты, раскрывает ее внутреннюю структуру.

Определяя элиту как субъекта, стратегически влияющего на социальные процессы, аналитики раскрывают процесс элитообразования в развивающихся социальных условиях в дискурсе социального процесса. С.В. Негруль, к примеру, считает, что использование функционального понятия элиты в дискурсе процесса позволяет осуществить динамическое рассмотрение элиты, исследовать феномен циркуляции элит, происходящей на фоне повышенной вертикальной мобильности в современных обществах, изучить не только смену пер-

социального состава элиты, но и смену принципов организации элит (назначения на должность выборностью, конкуренции на кооптацию) [2].

В концепции Г. Эндрувайта понятие элиты уточняется определениями «действительная», «потенциальная», «резервная». Потенциальная элита – это группа, способная и готовая занять в обществе ключевые позиции, сменить на этих позициях действующую элиту, которая в данный момент выполняет свои функции; элита, готовая к реализации своего социального влияния, но еще не реализующая его в действительности. Вариантом потенциальной элиты является контрэлита, т.е. элита, находящаяся в оппозиции к действительной; ее резервом является «резервная» элита, способная занять позиции «действительной элиты» вместо борющейся за эти позиции контрэлиты.

Говоря о социокультурном контексте формирования групп власти в постсоветской России, отметим, что у истоков политических элит в России находится партийно-государственная номенклатура, что определяет специфику и социальную конфигурацию российской элиты, «правлящего слоя», оформившегося как следствие специфического типа организации и способа функционирования власти в советском обществе. Социокультурный контекст формирования российских политических элит является основанием в трактовке плюралистических характеристик феномена элиты. В переходный период в России элита призвана выполнять функцию выбора пути дальнейшего развития, но не может осуществлять в полной мере функцию субъекта преобразований. А.В. Понеделков, к примеру, считает, что общественные перемены середины 1980-х гг. повысили потенциал субъектности элит, получивших свободу выбора между альтернативными путями общественного развития. Однако с позиции субъектного подхода российские правящие группы долгое время достаточно условно можно было называть элитой, несмотря на то, что функции советской номенклатуры были аналогичны функциям элит западных обществ.

Признавая принципиальную истинность функциональной теории, которая с теми или иными нюансами воспринимается элитологами для описания элит западных обществ, многие отечественные социологи считают необходимым акцентировать внимание на социокультурных особенностях правящих групп российского и некоторых других незападных обществ и анализировать их с иных методологических позиций. Исходя из этого элитообразование в России должно рассматриваться в тесной связи с историческими особенностями развития страны, ее традициями, менталитетом, ценностями. Западная же элитологическая парадигма сформировалась под непосредственным воздействием специфических задач развития, мировоззренческой социокультурной матрицы [13]. С этой позиции концепт элиты подвергается А.В. Понедел-

ковым критике как неподходящий для анализа социальной структуры как советского, так и постсоветского обществ, поскольку «элита» в России не соответствует критериям элитарности, сложившимся в западных теориях. Подобная абсолютизация социокультурных особенностей России, влекущая за собой отрицание возможностей исследовательских подходов, созданных в иной культурной среде, неприемлема. Функциональный подход не противостоит социокультурному, признавая вариации в конкретноисторических критериях выделения элит и особенности их конфигураций в конкретных условиях. Вместе с тем функциональный подход эффективен в ситуации со сложноорганизованными обществами, находящимися в процессе постоянных изменений.

В соответствии с принципами функциональной теории, элита всегда стимулирует развитие общества в наиболее перспективном направлении, иначе говоря, раскрывает потенциальные возможности, которые могут реализоваться в данной системе. Отметим, что в концепции функциональных элит, элита рассматривается прежде всего как социальный субъект, свобода деятельности которого настолько велика, что позволяет ему влиять на фундаментальные преобразования социальных структур. Сам концепт функциональной элиты имеет ограничения в интерпретации социальных процессов и деятельности правящих групп в странах, переживающих процессы запаздывающей модернизации. Перспективные социальные изменения, стимулы которым задают элиты, достигаются за счет напряженности отношений между элитными и внеэлитными группами, отношений взаимозависимости, отталкивания и притяжения между отдельными группами в элите. Сама система противоречий позволяет элитам реализовывать интересы различных социальных субъектов и находиться в постоянном соответствии текущим потребностям общества; вектор общественного развития конструируется «случайно», что, однако, не отрицает больших возможностей для целенаправленной деятельности наиболее влиятельных субъектов [13].

Литература

1. Карлейль Т. Теперь и прежде. – М., 1994.
2. Негруль С.В. Формирование региональных элит. Ценности и идеология. – Томск: Изд-во ТГУ, 2005.
3. Милановски В. Политические элиты – элиты в политике // Политология вчера и сегодня. – 1991. Вып.3.
4. Штомпка П. Социология социальных изменений. – М.: Аспект-пресс, 1996.
5. Marvick D. Elite politics: values and institution // American Behavioral Scientist. – 1997. – Vol.2.1.
6. Эндрувайт Г. Элиты и развитие // Зарубежная политическая наука, история и современность. – М., 1996.
7. Парето В. История – кладбище элит // Рахшмир П. Политическая мысль. – Пермь: Перм. гос. ун-т, 2000.
8. Burton M., Higley J. Elite Settlement: American Sociological Review. – 1987. (52)3.
9. Ядов В.А. Теоретическая социология в России: проблемы и решения // Общество и экономика. – 1999. – № 3-4.

10. Моска Г. Правящий класс // Социологические исследования. – 1994. № 10, 12. Моска Г. Элементы политической науки // Социологические исследования. – 1995. № 4, 5, 8.

11. Миллс Р. Властвующая элита. – М.: Иностранная литература, 1959.

12. Дай Т.Р. Демократия для элиты. – М., 1994.

13. Понеделков А.В. Политико-административная элита: генезис и проблемы ее становления в современной России (региональный политологический анализ): дис. в форме науч. докл. ... д-ра полит. наук. – М., 1995.

Аллаярова Жанар Сабитовна, ассистент кафедры международного менеджмента Томского политехнического университета, зам. директора Института инженерного предпринимательства.

Allayarova Zhanar Sabitovna, assistant of department of International management of Tomsk Polytechnic University, deputy director of the Institute of entrepreneurship engineering.

Тел: 8(3822) 563-529, факс: 8(3822) 563-529, e-mail: anzhela@tpu.ru

УДК 316. 344. 27 (571.54)

Н.С. Бубеев

ПРОБЛЕМЫ ЗАНЯТОСТИ ЛЮДЕЙ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ (РЕСПУБЛИКА БУРЯТИЯ)

Занятость людей с ограниченными возможностями – один из значимых показателей демократичности общества, его гуманности. В данной статье рассматривается проблема трудоустройства инвалидов в современной российской действительности.

Ключевые слова: занятость, трудоустройство людей с ограниченными возможностями здоровья, рынок труда, специальные рабочие места, условия труда, безработные.

Н.С. Бубеев

THE PROBLEMS OF EMPLOYMENT OF HANDICAPPED PEOPLE (THE REPUBLIC OF BURYATIA)

Employment of handicapped people is one of indicators of democracy and humanity of society. The article deals with the problem of employment of handicapped people in modern Russia.

Key words: employment of handicapped people, labor market, special working places, work environment, unemployed people.

В настоящее время происходят существенные изменения социальной структуры российского общества, в частности, появляются новые социальные общности, одной из которых являются незанятые инвалиды. Масштабность проблем людей с ограниченными возможностями и необходимость их приоритетного решения обусловлены устойчивой тенденцией к увеличению доли инвалидов в структуре населения. На российском рынке труда сохраняется возникшая при переходе к рынку тенденция сокращения численности работающих инвалидов. Лица с ограниченными возможностями сталкиваются с различными проявлениями дискриминации в сфере занятости. Многие работодатели и работники воспринимают инвалидов исключительно как обузу для предприятия.

Участие людей с ограниченными возможностями в трудовой деятельности имеет важное значение прежде всего с социально-этической точки зрения, так как их приобщение к общественно-полезному труду способствует утверждению личности, самореализации, интеграции в общество. Неприятие инвалидов на работу приводит к дальнейшей сегрегации данной категории населения, созданию психологического барьера между ней и здоровыми трудоспособными людьми, формированию чувства неполноценности.

Трудоустройство инвалидов – сложный многоплановый процесс их возвращения или приобщения к общественно-полезному труду в соответствии с

состоянием здоровья, способностями, потребностями, возможностями и личными склонностями. Для анализа особенностей процесса трудоустройства инвалидов в Республике Бурятия нами было проведено социологическое исследование. Было опрошено 338 инвалидов трудоспособного возраста независимо от их трудовой занятости.

Среди принявших участие в исследовании – 45,3% мужчин, 54,7% женщин. По возрастному составу респонденты разделились следующим образом: 27,2% – молодежь (16-29 лет), 21,3% – инвалиды активного трудоспособного возраста (30-44 года), 26% – инвалиды предпенсионного возраста (45-59 лет) и лица старше 60 лет – 1,5%. По степени выраженности дефекта: 9,2% – инвалиды 1-й группы, 60% – 2-й и 30,8% – 3-й, что примерно соответствует общей структуре инвалидов трудоспособного возраста, проживающих в городе. По национальному составу опрошенные распределились следующим образом: большинство составляли русские и буряты – 51,2 и 44,4% соответственно, татары – 2,7%, евреи – 1,7%

Результаты опроса опровергают общепринятое представление об иждивенческих жизненных установках инвалидов. Для большинства людей с ограниченными возможностями (45%) работа является дополнительным источником повышения доходов, для 34,3% респондентов это единственный источник дохода. Очень важно, что 18% респондентов считают общественно-полезный труд способом